

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ПОЛЬШИ И КАЗАХСТАНА

*Тогайбаева Ш.С., к.ю.н., доцент,
Тогайбаев А.И., участковый инспектор УВД г. Караганды,
Тогайбаев Д.И., магистрант КарГУ им. Е.А. Букетова,
Tomasz Kalisz, Начальник кафедры уголовного исполнительного права Вроцлавского
университета,
Aleksandra Krajewska, аспирант кафедры Уголовного исполнительного права Вроцлавского
университета, помощник судьи Окружного Суда, г. Вроцлава, Польша*

В Казахстане новый Уголовный кодекс № 226 – У ЗРК подписан 3 июля 2014 года и введен в действие с 1 января 2015 года.[1]

В соответствии с ч.1 ст. 190 УК РК уголовная ответственность предусмотрена за мошенничество, т.е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Так, в ч. 2 ст. 190 УК РК предусмотрено пять квалифицирующих признака: совершение группой лиц по предварительному сговору, неоднократно; лицом с использованием своего служебного положения; путем обмана или злоупотребления доверием пользователя информационной системы; в сфере государственных закупок.

В ч. 3 ст.190 УК РК указаны особо квалифицирующие признаки: совершение мошенничества в крупном размере; лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом, либо должностным лицом, либо лицом, занимающим ответственную государственную должность, если оно сопряжено с использованием им служебного положения; в отношении двух и более лиц.

Часть 4 ст. 190 УК РК предусматривает ответственность за деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, если они совершены: преступной группой; в особо крупном размере.

Как видно, в Казахстане имеется одна самостоятельная статья «мошенничество».

Нами будут приведены мошенничество в разных видах человеческой деятельности.

В последние годы мошенническую схему получения безвозвратных кредитов разработали в Южно-Казахстанской области. Более 2ух миллионов тенге украли кредитные мошенники в Южно-Казахстанском филиале одного из банков страны.[2]

Способы совершения мошенничества с целью получения кредита были: подделка технической документации, в частности, техпаспортов, акты приемки объектов недвижимости в эксплуатацию. Эти поддельные документации представляли в банк через посредников. И на основании их получали кредиты в крупном размере. Каждый заемщик в среднем обманным путем получили кредит в сумме от 4 до 20 млн. тенге. . Причем посредники находили желающих получить деньги под залог имеющейся недвижимости, в основном земельных участков и домов. Хотя саманная временка не могла служить залоговым имуществом для банка. Используя свои связи в частных и государственных учреждениях, путем мошенничества посредники подделывали документы на недвижимость, завышая реальную стоимость на недвижимость. Через менеджеров банка оформлялись кредиты, деньги тут же обналичивались. [2]

Следственным департаментом ДВД ЮКО было возбуждено свыше 200 уголовных дел по признакам преступлений, предусмотренных статьей 177 УК РК «Мошенничество», где потерпевшим выступает банк. [2]

За аналогичное преступление в УК Польши имеется ст. 297 § 1(УК П). Но в отличие от Казахстана в УК Польши имеется несколько составов преступлений за мошенничество.

В статье 297 § 1 УКП сформулировано понятие так называемого кредитного мошенничества. Его сутью являются обманные действия с целью получения кредита у банка или иной финансовой организации. Преступник получает кредит на основе необходимых для получения кредита документов, содержащих заведомо ложную информацию, либо на основе подложных документов. Согласно наиболее распространенному среди представителей доктрины мнению, совершение преступления по статье 297 § 1 УКП всегда квалифицируется также на основе статьи 286 § 1 УКП, при использовании кумулятивной квалификации[3]. Стоит отметить, что элементом преступления кредитного мошенничества не является отсутствие намерения выплатить кредитный

долг, тогда как в случае простого мошенничества необходимо выяснить, были ли у подозреваемого намерения выполнить принятые на себя обязательства, например, в случае обвинения в обычном мошенничестве, в связи с неуплатой по договору[4]. Уголовно наказуемым, согласно статье 297 § 2 УКП, является также скрытие информации от банка или иной финансовой организации, несмотря на соответствующие обязанности, о ситуации, которая может иметь значение для воздержания от выплат или ограничения суммы кредита либо финансов по госзакупкам а также на возможность дальнейшего использования финансового инструмента.

В польском законодательстве преступления, относящиеся к мошенничеству делятся на несколько основных категорий. Так, в статье 286 § 1 Уголовного Кодекса Польши (далее: УКП) сформулировано непосредственно мошенничество – склонение лица к невыгодному для него распоряжению имуществом посредством введения в заблуждение данного лица, с целью получения финансовой выгоды. Данный вид мошенничества является материальным преступлением, его совершение зависит от фактического распоряжения имуществом. Согласно статье 286 § 2 УКП уголовной ответственности подлежит лицо, требующее финансовой прибыли за возврат нелегально присвоенного имущества. Это преступление является формальным, так как для его совершения достаточно одного только требования финансовой прибыли, а не её получение. Данный вид преступления (286 § 2 УКП) на практике встречается довольно редко. Статья 287 § 1 УКП регулирует вид компьютерного мошенничества, которое основывается на воздействии, с целью получения финансовой выгоды или причинения ущерба другому лицу, без его согласия, на процесс автоматической модификации, накопления или передачи данных, либо, вводит новую компьютерную запись данных. Данный вид преступления отличается от „классического” мошенничества двумя элементами – во-первых, не требует от злоумышленника какого-либо воздействия непосредственно на жертву с целью доведения её до невыгодного распоряжения имуществом, а во вторых – не требуется ни самого факта невыгодного распоряжения имуществом, ни ухудшения финансовой ситуации жертвы. И, наконец, статья 301 § 1 УКП, регулирующая вид мошенничества, направленный против кредиторов. Уголовному преследованию на основании данной статьи подвергается создание нового экономического субъекта на легальной основе, на который переводится имущество должника частично, либо целиком, то есть мошенническая передача активов. Стоит подчеркнуть, что данный вид преступления не относится к действиям, связанным с передачей активов уже существующему экономическому субъекту, и, до сих пор – несмотря на многочисленные голоса критики – законодатель не модифицировал данной правовой нормы, что несомненно даёт возможности безнаказанно действовать против интересов кредиторов. Статья 301 § 2 УКП содержит норму, которая предусматривает уголовную ответственность за доведение до банкротства экономического субъекта с целью принесения убытков минимум нескольким кредиторам. Эти противоправные действия принято называть "мошенническим (злостным) банкротством", такое название доктрина и судебная практика переняла из бытового языка.

В отличие от УК РК в Казахстане существуют три вида самостоятельных составов преступлений, связанных с банкротством. Следует заметить, что только два вида мошенничества из всех вышеперечисленных – указанные в статьях 286 и 287 УКП – находятся в разделе, посвящённом преступлениям против собственности (раздел 35 УКП), тогда как остальные виды мошенничества находятся в разделе, посвящённом преступлениям против хозяйственной деятельности (раздел 36 УКП). Такое разделение, на первый взгляд, может показаться искусственным и надуманным. Преступления указанные в статьях 297 § 1-2 и 301 § 1-2 УКП направлены прежде всего против экономической деятельности, тогда как „классическое” мошенничество, урегулированное в статье 286 §1УКП, относится ко всякого рода правовым отношениям, но при этом также квалифицируется как преступление направленное против экономической деятельности [5].

Если говорить про наиболее „популярные” схемы мошенничества в Польше, следует выделить, так называемые, мошенничества „на внука”. Этот вид мошенничества массово реализуется преступными группировками, которые используют его в качестве основного инструмента своей преступной деятельности для получения нелегальных средств. Часто главенствующую роль в такого рода группировках занимают лица цыганского происхождения. Детальное описание этого вида мошенничества будет произведено ниже, на основе материалов дела, которое вёл Окружной Суд в г. Вроцлаве.

Мошенническая группировка создала следующую схему деятельности [6]. Один из членов группировки звонил на номера телефонов пожилых людей, полученные, предположительно, из

телефонного справочника, и начинал разговор с фразы: „Привет бабуля!”, „Привет, дядя!”. Жертвы, как следует из материалов дела, в большинстве случаев реагировали фразой: „Имярек, это ты ! Как поживаешь? ”. После чего, мошенник вёл разговор таким образом, что жертва сама задавала наводящие вопросы и фактически давала преступнику нужную информацию, чтобы ввести её в заблуждение. Интересно, что у жертв, за редкими исключениями, не появлялось никаких сомнений, в том, что они ведут разговор с близким родственником, хотя собеседник не давал никакой информации, которая могла бы привести к такого рода умозаключениям. Во время разговора мошенник неизменно рассказывал, что он собирается купить недвижимость, или вложить деньги в бизнес, либо отдать одолженную у кого-то большую сумму денег, и, в связи с этим, ему срочно нужны деньги. Затем, настойчиво просил жертву одолжить ему денег, как правило, около 20 тысяч złotych[7]. При этом, в случае, если жертва заявляла, что она в данный день не может передать „внучку” необходимую сумму, мошенник всевозможными способами психологически воздействовал на жертву, умоляя поехать немедленно в банк. Также преступник обещал возместить расходы на такси и вернуть всю одалживаемую сумму в короткий срок. Часто жаловался, что если не получит денег, то потеряет уникальный шанс устроить свою жизнь, развить своё дело, или говорил, что у него будут серьезные проблемы из-за невозврата долга. После того, как жертва соглашалась „одолжить” денег мнимому родственнику, он заявлял, что скоро лично приедет за деньгами, спрашивая, что привезти к чаю. Мошенник вёл беседы с жертвами весьма динамично, используя психологический шантаж и манипуляции, с полным осознанием того, что пожилые люди часто тоскуют по своим внукам, по родственникам, им одиноко, и сильный эмоциональный подъём вследствие предвкушения долгожданной встречи притуплял их бдительность и делал уязвимыми для преступников. После окончания этого разговора, мошенник периодически звонил жертве, проверяя, не начала ли она проверку подлинности „родственника” или не звонила ли в полицию. Перед домом жертвы также находился участник группировки, который следил, не приехала ли полиция. В случае появления сотрудников полиции, жертве больше не перезванивали, и за деньгами, соответственно, никто не приезжал. Если же жертва не предпринимала никаких подозрительных для членов группировки действий, через некоторое время мошенник снова звонил, спрашивая, можно ли уже забрать деньги. Если жертва подтверждала, что деньги уже готовы, „родственник” сообщал, что, к сожалению, не может лично приехать – утверждая, что находится у нотариуса, либо на встрече, вследствие которой должен решить финансовые вопросы – и информировал жертву, что за деньгами приедет его друг. Мошенник сразу говорил, что его друг работает врачом либо юристом. Можно с уверенностью утверждать, что данная информация была элементом манипуляции и была призвана притупить бдительность жертвы в отношении к чужому человеку, поскольку профессии врача и юриста в сознании людей ассоциируются с надёжностью и вызывают доверие. Мошенник просил, чтобы жертва ждала „друга” у подъезда. По истечении некоторого времени к жертве подходил другой член банды, исполняющий роль друга „родственника” жертвы, представлялся как друг внука, племянника итп., после чего забирал конверт с деньгами. В некоторых случаях, мошенники так же давали расписку о получении денег, подписанную вымышленными именами.

Если говорить про структуру группировки, которая занималась мошенничеством по вышеописанной схеме, в ней существовало чёткое разделение ролей. Телефонными контактами с жертвами занимались в основном лица стоящие во главе группировки, а деньги у жертв забирали лица, которые находились на самой нижней ступени иерархии группировки, что закономерно, принимая во внимание то, что в случае ареста на месте преступления „курьеры” не могли передать никакой важной информации полезной для следствия, поскольку ею не владели. Эти участники банды получали от третьих лиц инструкции, чтобы забрать деньги, часто их привозили по данному адресу и забирали после передачи денег, а полученные от жертвы деньги немедленно передавались посреднику. В группировке существовали также отдельные лица, которые вербовали новых „ курьеров ”, поскольку „ курьеры ” действовали в структуре группы в течении недолгого времени, а затем их услугами не пользовались из вышеперечисленных соображений безопасности.

Мошенники в некоторых случаях действовали и несколько другим путём, предоставляя жертве номер счёта, на который она должна была перечислить „ одалживаемые ” деньги. Счета для этих целей генерировали завербованные бандой люди, которые де факто были подставными лицами. Банковскую карту и все документы, связанные со счётом забирал вербовщик и он же, впоследствии, снимал деньги со счёта. Благодаря этому сами преступники оставались анонимными, поскольку банк владел только информацией о лицах, на которые были открыты эти счета.

Следует обратить внимание, что в польском законодательстве функционирует также вид мошенничества, называемый „судебным мошенничеством”. Что занимательно, судебное мошенничество на сегодняшний день не урегулировано в отдельной статье, в его основе лежит „классическое” мошенничество, урегулированное в статье 286 § 1 УКП. В течении многих лет в доктрине и судебной практике появлялись мнения, что существует такой вид мошенничества, как судебное мошенничество, а его специфика такова, что субъектом, который вводится преступником в заблуждение является суд, а субъектом, имущество к которому вследствие этого заблуждения относится невыгодное распоряжение, производимое судом, является сторона процесса[8]. Стоит отметить, что в Уголовном Кодексе Польши с 1932 г. [9] была предусмотрена статья, согласно которой преступлением являлось требование денег в судебном порядке на основе документа, подтверждающего существование уже оплаченного долга, а также передача такого документа третьим лицам. Судебное мошенничество интересно тем, что оценка его элементов происходит на основе норм гражданского права и процесса - тогда как обычно уголовная и гражданская правовые сферы функционируют независимо друг от друга и редки случаи, когда они „переплетаются”. И так, согласно статье 6 Гражданского Кодекса[10], каждая сторона обязана доказывать факты, на которых основывается её претензия, а согласно статье 3 Гражданского Процессуального Кодекса стороны обязаны давать правдивые показания. Принимая во внимание процедурные требования, существующие в гражданском процессе, реализация элементов преступления судебного мошенничества может приобретать следующие формы. Во-первых, сторона процесса может давать ложные показания, не предоставляя фальшивых доказательств. Во-вторых, сторона процесса может давать ложные показания, одновременно предоставляя для их подтверждения фальшивые доказательства. Также, сторона процесса может ссылаться на ложные утверждения и доказательства с целью препятствовать защите ответчиком его интересов. И наконец, сторона процесса может вести защиту своих интересов легальным способом, однако, используя возможность умалчивать некоторые факты [11].

Если говорить об использовании стороной процесса одних только ложных доводов, то такая ситуация, принимая во внимание правила гражданского процесса, а также функции уголовного преследования являющегося *ultima ratio*, не будет в большинстве случаев являться мошенничеством, поскольку другая сторона процесса имеет право оспорить неправдивые доводы, а оценку доводов каждой стороны производит суд, в конфронтации с остальными доводами и доказательствами собранными в течении всего процесса. Исключением является ситуация, в которой обе стороны процесса состоят в сговоре и представляют неправдивые доводы, а результат процесса влияет на финансовую ситуацию третьего лица, не являющегося участником процесса[12].

Дача ложных показаний с одновременным предоставлением фальшивых доказательств в форме документов является целым комплексом действий, в которых один из этих элементов имеет главенствующую роль, либо оба имеют важное воздействие на результат процесса. В данном случае, сторона процесса несёт ответственность по статье 286 § 1 УКП, а также по одной из статей предусматривающих преступление против достоверности документов – 270 и 271 УКП. При этом не имеет значения, является ли документ частным или публичным. Однако следует иметь в виду, что в случае, если частный документ содержит ложную информацию, но подпись на нём подлинная, сторона процесса не будет нести уголовную ответственность за преступления предусмотренные по статьям 270 либо 271 УКП.

Возможность использования стороной ложных показаний и доказательств с целью помешать ответчику защищать свои интересы может иметь место в случае применения судом специальных режимов проведения процесса, при которых суд принимает решение исключительно на основании документов и утверждений, содержащихся в исковом

Если рассматривать ситуацию, когда сторона процесса защищает свои интересы легальным способом, однако используя возможность утаивания правды, то такая ситуация может возникнуть, если участник процесса, видя промахи или недочёты своего противника сознательно пользуется этим обстоятельством, не информируя об этом противную сторону и скрывая данный факт. Следует заметить, что если сторона при этом даёт показания под присягой, её действия будут квалифицироваться также как преступление дачи ложных показаний по статье 233 § 1 УКП [14].

Согласно статье 286 § 1 УКП моментом совершения преступления является момент, в котором происходит невыгодное распоряжение имуществом. В случае судебного мошенничества ситуация усложняется, так как появляются сомнения относительно того, какой момент в процессе является решающим, чтобы констатировать, что произошло данное невыгодное распоряжение. Поскольку

решение суда в основном подлежит обжалованию, невыгодное распоряжение имуществом следует связывать либо с моментом окончательного решения суда по данному делу, либо выдачей предусмотренного решением имущества до момента подачи апелляции по делу. Всякого рода действия сторон, предпринятые до момента выдачи окончательного решения суда, следует рассматривать как попытку совершения судебного мошенничества и квалифицировать с использованием статьи 13 § 1 УКП.

Для иллюстрации наиболее яркого примера судебного мошенничества, следует представить суть дела, которое вёл Окружной Суд в г. Вроцлаве. Обвиняемые использовали деятельность своей фирмы, чтобы приобретать от граждан бланко - векселя [15], которые по требованию обвиняемых перед покупкой заполнялись трассантом, с оговоркой „беззатрат” обозначающей, согласно закону о векселях, что трассант, в случае отказа должника платить по векселю сам обязан уплатить по векселю приобретателю векселя. При этом, на вопрос трассанта о значении оговорки, сообщалось, что благодаря данной оговорке, трассант не коснется никакие затраты связанные с требованием платежа по векселям. Затем обвиняемые высылали должнику требование уплаты долга, которое *de facto* являлось фикцией, поскольку в тот же день преступники высылали в суд иск по векселю против трассанта, пользуясь векселем как доказательством обязательства трассанта уплаты долга. Затем схема опиралась на оговоркой, которые перед покупкой заполнялись трассантом, с обозначением оговорки „беззатрат” обозначающей, согласно закону о векселях, что трассант, в случае отказа должника платить по векселю сам обязан уплатить по векселю приобретателю векселя. При этом, на вопрос трассанта о значении оговорки, сообщалось, что благодаря данной оговорке, трассанта не коснется никакие затраты связанные с требованием платежа по векселям. При этом обвиняемые беждали трассанта заполнить вексель на двукратную сумму долга, утверждая, что она равнозначна сумме долга и прочим издержкам связанным с продажей векселя, которую должник обязан уплатить. Затем обвиняемые высылали должнику требование уплаты долга, которое *de facto* являлось формальностью, поскольку в тот же день преступники высылали в суд иск по векселю против трассанта, пользуясь векселем как доказательством обязательства трассанта уплаты долга. Затем преступная схема опиралась на введению клиентов в заблуждение относительно реального значения оговорки, а также возможности заполнения векселя на сумму высшую чем реальный долг гарантированный векселем. С самого начала преступники намеревались направить иск именно против трассантам векселей. Затем они использовали свои формальные права в процессе чтобы получить выгодное для себя решение используя фальшивое доказательство – вексель заполненный на гораздо большую сумму, чем та, которую действительно должен был уплатить должник [16].

Суд признал обвиняемых виновными, квалифицируя их действия как судебные мошенничества – в случаях когда вследствие правомочного решения суда начато это исполнение судебным приставом, а в случаях, когда процесс не завершился правомочным решением суда – суд квалифицировал их действия как попытку совершения судебного мошенничества.

Резюмируя, следует заметить, что ввиду темпа развития торговых отношений, а также компетенции органов судебной власти в распоряжении имуществом сторон занимающихся торговой деятельностью, очевидна необходимость ясного обозначения польским законодательством границ, в которых споры сторон остаются в компетенции судов по гражданским делам, а когда поведение сторон подлежит также уголовной ответственности. Ввиду того, что участники торгового оборота часто предпринимает рискованные действия, противоречащие морально – этическим нормам, однако формально остающиеся в рамках законодательства, появляется вопрос, насколько уголовное законодательство должно ограничивать функционирование свободного рынка. На данный момент, решение этого вопроса остаётся целиком в рамках свободной оценки доказательств судьёй, принимающим решение по конкретному делу.

Список литературы:

- 1 Уголовный кодекс Республики Казахстан : практическое пособие.- Алматы: «Издательство « Норма - К», 2015 г.- 240 с.
- 2 Воровать, так миллиарды.. // Казахстанская правда. 2016 г. – с. 5.
- 3 *Kubińska M.*, Przepiętstwo oszustwa gospodarczego z art. 297 k.k. Lex 2014, раздел 7.3 (Эл.издание).
- 4 Решение Апелляционного Суда во Вроцлаве с 20 апреля 2016 г. II АКа 78/16, LEX номер 2047164.

5 *Buchala K.*, Prawo karne materialne, Warszawa 1980, с.727 и проч.; *Andrejew I.*, Polskie prawo karne w zarysie, Warszawa 1971, с. 382 и проч.

6 Информации получены на основе анализа материалов уголовного дела перед Окружным Судом в г. Вроцлаве по которому обвиняемые в 2016 году были осуждены за участие в преступной группировке и ряд мошенничеств.

7 Большая сумма, принимая во внимание, что согласно статистическим данным (<http://stat.gov.pl/sygnalne/komunikaty-i-obwieszczenia/lista-komunikatow-i-obwieszczen/>), средняя заработная плата в Польше составляет около 4 тысяч злотых.

8 *Kukula Z.*, Dochodzenie roszczeń majątkowych w postępowaniu cywilnym a oszustwo sądowe MP 2006/12 s. 638; Решение Верховного Суда с 13 декабря 2006 г., V KK 104/06, LEX номер 295629.

9 Постановление Президента Реч посполитой со дня 11 июля 1932 г.– Уголовный кодекс (Dz.U.1932.60.571).

10 Законсо дня 23 апреля 1964 г. – Гражданский кодекс (Dz.U.2016.380 j.t.).

11 *Kukula Z.*, Dochodzenie roszczeń majątkowych ... s. 634 и проч.

12 *J. Potępa.* Критический комментарий к решению Верховного Суда Польши от 5 мая 1960 г., V K 348/60, OSPiKA Nr 6/1962. - P. 364.

13 *J. Biednarzak*, Przestępstwo oszustwa w polskim prawie karnym, Warszawa 1971, s. 146.

14 *P. Kardas, J. Satko.* Przestępstwa przeciwko mieniu. Przegląd problematyki. Piśmiennictwo. 1918-2000. - Kraków. 2002. - P. 76.

15 Вексель, в котором отсутствует один или несколько обычных реквизитов (напр., подпись векселедателя, сумма, дата выставления). Может быть выпущен как трассантом, так и плательщиком в результате так называемого бланкового акцепта (прим. авторов).

16 Информации получены на основе анализа материалов уголовного дела перед Окружным Судом в г. Вроцлаве, по которому обвиняемые в 2014 году были осуждены за ряд судебных мошенничеств.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ЗАҢНАМАДАҒЫ ЖАЗАНЫҢ ТҮСІНІГІ

*Машабаев А.Ж., з.ғ.к., доцент, қылмыстық құқық және криминология кафедрасының меңгерушісі
Манненова Д.М., заң факультетінің магистранты, Академик Е.А.Бөкетов атындағы ҚарМУ*

Жаза проблемасы сандаған ғасырлар бойына тек заңгерлерді ғана емес, философтарды, социологтарды, қоғамтану саласындағы өзге де мамандарды ойландырып келе жатыр. Жаза мәселелеріне қылмыстық құқық теориясында үлкен мән берілген. Қылмыстық құқық теориясында жазаның түсінігіне қатысты оның үш сипаттамасын қарастырған, олар: мәні, мазмұны және белгілерлі. Соңғы кездері қоғамда орын алған түбегейлі өзгерістерді, заңның елеулі түрде жаңаруын ескере отырып жазаның мазмұнын мен мәнін талдау барысында көп нәрсеге жаңа көзқарастар қалыптастыру қажет болуы мүмкін.

Ең алдымен «жазаның мәні» және «жазаның мазмұны» деген түсініктер арасында айырмашылықты ұғынып алу қажет. Бұл түсініктерді барлық жерде араластырып жатады. Мысалы, қылмыстық құқық оқулықтарының қайсыбір авторлары былай деп жазды: Жаза – мәжбүрлеу шарасы. Кез келген қылмыстық жазаның спецификалық жазалаушылық мәні осында. Ол сотталған қылмыскердің жеке, еңбек және мүлктік құқықтарын шектеу немесе олардан айырудан көрініс табады. Көріп отырғанымыздай бұл арада жазалау мәні жазаға саяды. «Жазаушылық мәні» болса, онда басқа «жазаламаушы мәнін» де табуға болады. Әдебиетте, жазалау мәнінің өзі – жаза делінген көзқарас та болды. Бұған қоса, жазаның мәні мен мағынасы арасындағы айырмашылықты қалай да анықтау үшін автор оның мағынасының құрамына жазадан өзге тәрбиелік шараларды да қосады. Мұндай жаңылысу жазаның мазмұны мен мәнін бірдей құбылыстар ретінде қарастырудан туындап отыр. Осындай көзқарасты профессор Н.Стручков мейлінше реттілікпен негіздей алды. Оның пікірінше, «Жазалау мәні – жалпы жаза, ал жазалау мазмұны – нақты жалауға тән жаза».

Қазақстанда бұрын қолданыста болған қылмыстық заңнамаларда жаза ұғымының анықтамалары болмады. Сондықтан болар жаңа Қылмыстық кодекс қабылданғанға дейін құқықтық әдебиетте ол жөніндей әртүрлі анықтамаларды кездестіруге болатын еді [1, 5]. Олардың бәрі бір-бірінен қанша айырмашылықта болғанымен, өздерінің мазмұны жағынан бір арнаға